

Лейла Элораби Салем

**ЗЛАТЫЕ КУПОЛА
НАД РУСЬЮ**

Книга 1

Лейла Элораби Салем

Златые купола над Русью. Книга 1

«Издательские решения»

Элораби Салем Л.

Златые купола над Русью. Книга 1 / Л. Элораби Салем —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901288-3

«Златые купола над Русью» — роман-дилогия событий XV — XVI веков во времена правления Ивана III и его сына Василия. В центре повествования Иван Васильевич, его супруга Софья Палеолог, сыновья, митрополит и зодчий Аристотель, а также Елена Волошанка и ее сын Дмитрий.

ISBN 978-5-44-901288-3

© Элораби Салем Л.
© Издательские решения

Златые купола над Русью

Книга 1

Лейла Элораби Салем

© Лейла Элораби Салем, 2017

ISBN 978-5-4490-1288-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. ДУМЫ КНЯЗЯ

На землю еще с вечера падал мягкий пушистый снег. Первый снег. Не было холодно, а даже, наоборот, посветлело, потеплело. Лучи предутреннего солнца тускло осветили кривые, узкие улицы Москвы – нового стольного града, еще небольшого, строящегося. Здесь путник не смог бы лицезреть ни белокаменных соборов, ни величественного Кремля с искусными бойницами, ни Красной Площади, вымощенной плитами. То был новый городок, более похожий на обжитую деревню, чьи дальние, ветхие домишки граничили с густым лесом. Даже палаты княжеские, даже храмы вокруг него были построены из бревен – тогда русский народ не ведал о кирпиче. Но сегодня, в это погожее утро, город как бы преобразился: все, на что упали хлопья снега, стало белым, словно выточенным из серебра. Сие привлекало взор, радовало своей красотой этого заснежено-белого холодного рая северной стороны.

Неподалеку раздался колокольный звон, прорезавший полусонную тишину, за ним вторили иные колокола. Призыв к заутренней.

Князь московский Иван Васильевич, сын Василия Темного и Марии Ярославны, дочери князя Ярослава Боровского, любил это время – то утреннее время покоя и тишины, когда можно было, не заботясь о сани и дум ближайших советников, сидеть вот так просто на высокой кровати, свесив босые ноги, и благоговейно глядеть в окно, умиротворенно любоваться на открытый далекий мир как простой человек; да, да – как человек. Так было всегда до недавнего времени, пока думы князя не устремились за пределы Москвы, за пределы всего русского мира туда, где светит жаркое солнце, на деревьях созревают диковинные райские плоды, а под мраморными ступенями дворцов и вилл плещется море. Это была Италия, благословенная земля, построенная на руинах некогда могущественной Римской Империи. Иван Васильевич со сладострастием вспомнил то время, когда к нему из Рима прибыло посольство во главе с кардиналом Виссарионом, который предложил московскому государю в жены молодую принцессу Софью – племянницу последнего византийского императора. Князь с глубоким почтением принял итальянских послов, одарил их роскошными шубами, получив себе в подарок дары Папы Павла II. Однако, не ответив послам ни да, ни нет, отправил с ними в обратный путь своего доверенного человека Ивана Фрязина, который вскоре вернулся в Москву с письмом от Папы и портретом греческой царевны. Портрет понравился князю, он нашел белокожее лицо и большие черные глаза прекрасными, но в то же время не мог без ведома бояр, митрополита и матери решиться на новый брак не просто с иной девицей, а чужеземкой, которой были чужды русские законы. И старая княгиня, и владыки, и думные бояре нашли сей брак благоприятным, благо, Византия, пусть и оказавшаяся в руках турок-агарян, все же была колыбелью православия, сама княгиня Ольга некогда бывала в Константинополе, где и приняла крещение. Из всех думных советников лишь один – боярин Григорий Мамонов посмел заявить, что не верит ни фрязам, ни вере царственной сироты.

– Итальянцы уж больно хитры, нет их словам веры, – молвил боярин, – ты, князь, делаешь большую ошибку, что женишься на чужеземке. Как знать, не в сговоре она с латинскими попами, недаром, что их главарь просватал ее тебе. Да и как знать, не является ли сие искушение диавольское, – он указал на портрет и все находящиеся в палате перекрестились, – приукрашенным? Неужто тебе не ведомо, как это часто бывает в иных землях, когда пригожая девица с портрета оказывалась прокаженной аль хромой. Каков позор будет нам, ежели невеста не окажется...

Ему не дала договорить княгиня Мария Ярославна. Грозно стукнув по столу, женщина перевела постаревшее лицо на Григория Андреевича и проговорила:

– Не гоже боярину поступать против слов князя московского!

Мамонов потупил взор, однако в душе не чувствовал стыда – он не боялся говорить, что думал.

Князь Иван сделал знак Фрязину, тот выступил вперед пред светлые очи государя.

– Молви, – приказал князь.

– Я бывал в Риме и воочию лицезрел византийскую царевну. Девица сия прекраснее, чем на портрете, вельми. Ростом не мала и не высока, очи ее велики черные, волосы большие по плечам ниспадают. Признаться, она достойная преемница византийских императоров.

При этих словах лицо князя, еще молодое, просветлело, взгляд темных глаз загорелся хитрым огоньком. Выпущены новые, еще одни стрелы в сердца тайных недругов и завистников.

– Слышали все? – воскликнул он зычным голосом и от голоса этого у присутствующих подкосились ноги. – Сам Господь благословляет сий союз! Ты, Иван, – обратился он вновь к Фрязину, – собирайся в путь-дорогу, на твои плечи возлагаю я приезд княжеской невесты да не забудь присмотреть за Папой и его попами, уж ни скрывают они что-либо от нас, – с этими словами Иван Васильевич стукнул посохом и встал с резного кресла, заменяющее трон. Этим он поставил точку в разговоре; и сейчас ему удалось угодить всем: церковникам, властолюбивой матери, боярам и при этом исполнив то, что хотелось ему.

Прошло три года, и вот кортеж невесты должен вскоре прибыть в Москву. Падал снег и на душе князя стало также светло, как в это утро. От одной мысли, что придется сжимать юное, горячее тело гречанки в своих объятиях, приводило Ивана Васильевича в восторг. Одно пугало его – выдержит ли принцесса русских холодов? Благополучно ли доберется до Москвы?

– Бог в помощь, – сказал князь, перекрестясь.

2. СТАРШИЙ СЫН

Он родился в конце зимы. Тогда вот также падал снег, только не первый, но последний. Солнце грело еще по-зимнему, но день казался по-весеннему длинным. И в этот благословенный миг из почивальни Марии Борисовны – первой княжеской супруги, раздался младенческий крик, старуха-повитуха вручила в руки молодого князя драгоценный дар – первенца, такого долгожданного и любимого. Лицом и статью княжич, крещенный тоже Иваном, прозванным Младым, походил на отца, но сердцем привязан был более к матери, и когда та умерла, долго горевал. И даже, когда Иван Васильевич порешил жениться во второй раз не просто на девице, а на иноземной принцессе, мальчик в душе обозлился, вменив о светлой памяти матери, однако не высказал отцу недовольства, даже бабки своей ни о чем не молвил, а лишь, утопив слезы в молитвах, просил Бога об отмене сего брака. Его детским надеждам не суждено было сбыться – кортеж с неведомой гречанкой вскоре должен был въехать в московские ворота.

Иван Васильевич вымыл руки, ополоснул лицо холодной водой, слуга смочил его волосы и бороду медовым мылом, пригладил густые пряди гребнем. Иные слуги облачили князя в одеяния златотканые, водрузили на грудь его большой золотой крест с драгоценными камнями, что ярко переливались при свете дня. Иван Васильевич вышел из покоев, за ним следом полукольцом двинулись рынды с секирами наперевес – все как на подбор: рослые, молодые.

С сыном князь столкнулся в переходах дворца. Четырнадцатилетний княжич совершил взмахом руки поклон отцу, поцеловал его десницу, тот приложил ладонь на темя мальчика, благословив молитвами родительскими, тихо спросил:

– Как почивал, сын мой?

– Благословенное время благодаря заботами твоими, отец.

Князь лишь очами оглядел коридор, не желая допустить, чтобы кто-либо видел их ведущими беседу просто вот так, ответил:

– Следуй за мной, сын мой, разделим утреннюю трапезу.

В большой зале с высокими сводами и деревянными резными столбами был накрыт белой скатертью, по краям расшитой узорами диковинными, длинный стол. Слуги чинно внесли на тарелях яства всевозможные: ноги куриные, говядину да свинину, хлеба горячие, мёд сладкий, кувшины с винами ромейскими да студни, в больших подсвечниках горели свечи, освещая расписные стены. Иван Васильевич, сотворив молитву, первый сел в глубокое кресло, по правую руку и левую уселись его мать и сын, следом, чуть поодаль, дальние родственники и первые бояре. Приступили к трапезе, храня молчание – тот, кто молвит слово, будет выгнан из-за стола. Слуги быстро, но тихо меняли блюда, наполняли чаши вином да сбитнем. В воздухе витало безмолвие, слышны были лишь скрип скамей да отдаленный гул народа. Ничего не предвещало грозу.

И вдруг в то самое благословенное время семейный мир был нарушен громким открытием большой дубовой двери с железными окантовками, в трапезную вбежал покрасневший стрелецкий голова в красном кафтане, упал на пол, воскликнул:

– Светлый князь, страша поймала двух соглядатаев!

– Кто такие? – воскликнул Иван Васильевич, со всей силой бросив деревянную ложку на стол.

– Некие молодцы из земель новгородских, пытались незамеченными пробраться к клетям, где ныне сидят пленники, которых доставил Даниил Дмитриевич. К счастью, их увидели стрельцы.

– Новгородцы? – проговорил сам себе князь, нахмутив густые черные брови. – Где они ныне?

– Там, – махнул стрелецкий голова, – на Лобном месте, ждут твоего решения.

Иван Васильевич взял посох, с силой сжал его, обдумывая решение о казни. Наступила теперь тревожная, гнетущая тишина, каждая секунда казалась часом. Наконец, государь молвил:

– Повелеваю отрубить головы в назидание остальным, немедля, – и с этими словами громко стукнул посохом о каменный пол – сие значило окончательное решение.

Княжич Иван глянул на отца чуждым, каким-то иным взором, слово моля о чем-то. Иван Васильевич понял сий взгляд и потому проговорил:

– Тебе, мой сын, уже четырнадцать лет от роду, ты не ребенок и посему ты поедешь вместе со мной глядеть на казнь да разумеешь, какой конец изменникам.

Подали закрытые сани – не гоже князьям быть на виду у народа. Кони всхрапнули, копытами своими взбили тучу снега, возница ударил животных плетью, сани понеслись по московским улицам. Народ разбежался в стороны, падал наземь перед княжеской процессией, которую замыкали дети боярские – все как на подбор статные и высокие, да и кони были под стать всадникам – прыткие, длинноногие, метали то и дело злые черные глаза на прохожих.

Процессия подъехала к Лобному месту, там уже собрались большинство горожан, слышались крики, ругань.

– На кол их! – кричали мужские голоса, указывая перстами в сторону осужденных, что понуро стояли вдали ото всех со связанными руками.

– Пусть в ноги нашему пресветлому князю кланяются! – прокричал кто-то.

Вдруг все тихо замерло. Палач взял в руки секиру, глянул туда, откуда показались княжеские сани. Толпа расступилась, в душе ликуя предстоящим зрелищем. Из саней выглянула руки и бросила платок. Палач все понял, приготовился. К нему подвели первого молодца, положили его голову на плаху, секира поднялась в воздухе, зловеще блеснуло лезвие в свете дня и... голова первого новгородца покатила по земле, оставляя на снегу кровавый след. Толпа взревела, словно хищник, жаждущий крови. Нерадостная участь ждала второго приговоренного. Палач вздохнул и омыл окровавленную секиру водой.

Иван Васильевич остался доволен – не будет милостей ни к врагам, ни к предателям. Лишь взглянул на сына, тот был смертельно бледен – невинное дитя, впервые увидевшее кровь, молвил:

- Не печалься об умерших, сыне. Запомни: власть держится на страхе.
- Сани тронулись в обратный путь по белому, искристому снегу.

3. ГРЕЧЕСКАЯ ПРИНЦЕССА

Процессия княжеской невесты неспешно двигалась по заснеженным дорогам Руси, то и дело увязывая в снегах до болот. Изнеженные, привыкшие к вечно жаркому солнцу Средиземноморья, греки и итальянцы каждый на своем наречии ругали русского государя, восхотевшего взять в жены иноземку, были злы на дикие неприветливые леса северной страны и посему всю злость свою изливали на лошадях – единственных существ, кто не мог им ничего сказать.

Софья Палеолог восседала посреди мягких подушек в первых санях, чьи дверцы были инстурктированы серебром и золотом – подарок от суженного. Принцесса то и дело глубоко вздыхала, глядя сквозь оконце на неприветливый, сероватый мир, где даже днем солнце скрывалось за тучами. О чем она думала, о чем мечтала? Жалела ли о своем решении стать женой князя доселе неведомых, диких московитов, какими представляли их жители Европы, или же девица скучала по далекой родине своей, пусть названной, не кровной, но приютившей ее с отрочества благословенной Италии, наполненной ароматом душистых цветов, цитрусовых фруктов и морского воздуха? Ныне та земля осталась далеко позади, на другом конце света и сердца.

Кутаясь в соболиную шубу, Софья подняла черные очи, некоторое время глядела на отца Антонио, кардинала при Папе, который перебирал тонкими пальцами нефритовые четки, то и дело проговаривая молитвы на латинском языке; по его сухому постному лицу невозможно было понять, о чем он просит Бога: о скором возвращении домой либо о почестях, которые желал получить от князя. Принцесса силилась спросить о чем-то, но так и не решилась – все же их разделяла вера. Кардинал мысленно уловил ее выражение лица, тихо произнес:

- Ты печальна, дочь моя. Какое бремя тяготит тебя?

– Не о том думаешь, отче, – разом положила преграду между ним и собой Софья, понимая намерения его.

Но отец Антонио не был бы иезуитом, ежели не смог бы направить разговор в мирное русло. Хитро прищутив левый глаз, кардинал намотал на ладонь четки и постным голосом проговорил:

– То печаль ни к чему, дочь моя. Попомни, что говорится в Священном Писании: «Также, когда поститесь, не будьте унылы, как лицемеры, ибо они принимают на себя мрачные лица, чтобы показаться людям постящимися».

Стрелы эти были направлены прямо в нее: в сердце, в душу. Кардинал достиг своей цели и мог ныне торжествовать, наблюдая, как вспыхнули щеки девушки румянцем, как она плотнее закуталась в шубу, словно защищаясь от его слов.

– Вспомни, дорогая, как ты принимала благословение у Его Святейшества Папы Римского, а теперь скажи: готова ли ты назвать себя православной?

– Я не хочу об этом говорить, – воскликнула принцесса, готовая в любой миг рухнуть в бездну, лишь бы не видеть этого пронзительного, холодного взгляда, – о том не следует никому говорить. Пусть сия тайна умрет в Италии и никогда не дойдет до здешних мест.

Отец Антонио пожал плечами, словно бы говоря: посмотрим, как знать.

Через день кортеж встретили псковские посадники да владыки в золоченных одеяниях с хоругвями да крестами в руках. Громким колокольным звоном огласился Псков. Народ: мужчины, женщины, старики, дети высыпали на улицы, притаптывали снег валенками да сапогами, радовались приезду княжеской суженной. Митрополит псковский со всей братией поприветствовал Софью, благословил молитвами да святой водой девицу, у которой аж дух захватило, когда увидела перед собой храм православный. Что-то внутри надорвалось у нее, с тревогой в сердце и раскаянием вступила она в обитель единоверцев своих, слезы застилали ее красивые, выразительные глаза, которой тонкой струйкой стекали по подбородку. Окинула принцесса высокий свод Троицкого собора, чьи стены были расписаны ликами святых, а сам алтарь весь переливался золотом и камнями – настоящее наследие Византии, не чета мрачным католическим костелам.

– Смотрите, царевна плачет, – шептались в толпе прихожане, кому удалось прорваться во внутрь собора любопытства ради.

– Сия царевна тоже наша, православная, оттого и избрал ее князь московский, – вторил другой голос.

– А того латынщика, что приехал с принцессой, так и не пустили в нашу обитель, – шутливо промолвил кто-то.

И в самом деле, как только отец Антонио выбрался, хоть и с трудом, из возка, он поднял над собой серебряное литое распятие на длинном древке, да и сам он одет был во все красное, словно кровью выпачканный. Православный люд, как только увидел его, ринулся в стороны, крестился, призывая в помощь Богородицу да святых заступников.

– Куда же несет беса окаянного?! – кричали в толпе в то время, как кардинал ступил на паперть, но его путь преградили молодые священники, знаками указали на ворота, не желая, дабы его присутствие осквернило бы собор.

Раздосадованный отказом, злящийся на иноверцев, отец Антонио вынужденно отступил, ловя на себя презрительные взгляды окружающих. «Проклятые варвары-схизматики, – неистово у него в душе от понесенного оскорбления, которое умалило сию иезуитскую гордость. Недаром Папа перед поездкой наказал ему во что бы то ни стало посеять зерна истинной католической веры в стране дикой и неизвестной, дав на то не только свое благословение, но и немалую сумму золота.

– Друг мой, – произнес тогда Павел II, положив длань на выбритую тонзуру отца Антонио, – где бы ты не был, неси языком свет нашей веры, а ежели недостаточно красноречивых слов, то есть на то золото: оно откроет двери там, где до этого они были закрыты.

До сегодняшнего дня кардинал был уверен в собственных силах и покровительство Папы, пока не столкнулся с непреодолимой стеной непоколебимости веры русского народа, которому и золота ненадобно – так блюдет он заветы предков.

Весь Псков глядел на плачущую принцессу, которую благословляли владыки, и прониклись тогда люди русские всей душой к единственно оставшейся в живых дочери византийских венценосцев. А после всяких церемоний ее ждали старосты, воеводы да знатные купцы псковские. Ринулись в ноги Софьи, целовали руки ее белые, усадили в сани, мехом расшитые, и повезли в отведенные для нее хоромы. Служки уже и баню растопили, и столы накрыли. Встретили княжескую невесту у крыльца знатные женщины и девицы города: все как на подбор – статные, красивые, с косами длинными, в расшитых опашнях стояли. Старшая из них приподнесла принцессе на блюде хлеб да соль, остальные поклон отвесили взмахом руки.

Софья глядела на них и легкая улыбка украсило ее лицо – все страхи и волнения остались позади.

Иное дело было у итальянских гостей, кои сопровождали Софью от самого Рима. И если кардинал Антонио после неудачной попытки войти в православный храм держался в тени, то прислужник его – бойкий малый с черными большими глазами и смоляными кудрями – весь во власти своей пленительной красоты благоухающего юга – вот он повел себя чересчур заносчиво по отношению к тем, кто дал ему кров.

– Наш Папа Павел II назначил отца Антонио послом к вам, дабы нести к варварам свет католической святой веры, без которой невозможно обрести царство небесное, о том есть к вашему князю грамота, – сказал юноша знатным псковичам и высокомерно огляделся вокруг.

Русские громко рассмеялись в ответ, один из них веселым голосом возразил:

– Грамотой той можешь зад себе вытереть, а веру нашу отцами еще заповедано охранять от иноземщины разной. Еще Александр Невский несколько веков назад доказал сие, ибо русский человек без православия не может считаться русским, о том и донеси своему Папе.

– То ваши слова, а что скажет на сей счет князь Москвы? – не унимался малец, смешно выговаривая русские слова.

– Мнение князя – в словах народа, недаром Иван Васильевич избрал в жены православную гречанку, а не подданную вашего Папы.

– Посмотрим, посмотрим, – вторил им юноша, в отличии от кардинала нисколько не утративший надежду на осуществление мечты.

Единственное, что огорчало, а вернее, разозлило его, так это смешки в спину со стороны русских купцов да озлобленные лица простолюдинов. Пыл, с которым итальянцы въехали в пределы Руси, был разбит о первый попавшийся город.

4. ВЪЕЗД В МОСКВУ

Несколько дней прожила Софья во Пскове, жители которого искренне и с вящей любовью приняли ее саму и ее свиту, кормили яствами, почивали медом и вином, надарили подарков, о каких она и мечтать не смела. Бояре да купцы важные от имени всех псковичан преподнесли принцессе в дар пятьдесят рублей, не обошли стороной и греков, что были в княжеской свите. Русским нравился религиозный пыл греков, их православное рвение, когда они получали благословение у митрополита. Перед самым отъездом бояре сменили лошадей, подарив Софье более рослых и выносливых коней – тех, что привыкли к морозам и тяжким дорогам.

Прощаясь со Псковом, Софья чувствовала, как душа ее озаряется неизъяснимым счастьем, словно мечтала она всю жизнь оказаться в Московии и вот, наконец, ее мечты сбылись.

Иное дело у итальянцев. В отличии от греков, фрязи не нашли любви и понимания у православных, которые и не пытались скрыть своей ненависти к иноверцам. Следуя по заснеженным дорогам, итальянцы жалели о своем приезде в неведомую дику Русь и проклинали тот день, когда согласились пуститься в дальний путь.

В то самое время, когда кортеж принцессы медленно, но верно подъезжал к Москве, в княжеских палатах, залитых тусклым светом множества свечей, состоялось вече Ивана Васильевича, на котором восседали по правую и левую руку от государя бояре, владыки да престарелая княгиня-мать, которая давно смирилась с выбором сына и потому лишь присутствовала на вече, дабы не допустить вражды между сыновьями ее.

Великий князь восседал в резном кресле, искусно вырезанном из цельного дерева и украшенный камнями драгоценными, в руках держал позолоченный посох, глядел грозно из-под нависших соболиных бровей. Рядом с ним сидела мать, от которой исходило тепло и безграничная любовь, как когда-то в далеком детстве, и именно присутствие старой княгини придало

государю больше сил и уверенности. За матерью длинной цепочкой расположились братья: Юрий, Андрей, Семён, Борис да Андрей Меньшой, за ними следовали митрополит с владыками – у каждого в длани священные регалии. Напротив братьев и священнослужителей сидели с постно-недовольными лицами ближайšie советники княжеские да бояре: Холмский Даниил Дмитриевич, Фёдор Курицын, Владимир Гусев, Григорий Мамонов. Никте не смед глянуть на Ивана Васильевича, все сидели и ждали слово повелителя. Сам же князь нервно тербил кисти на подлокотнике кресла, ожидал, кто слово молвит, злился на подданных своих, наконец, не выдержал, заговорил первый:

– Почто сидите аки истуканы, в рот воды набрав? Видеть вас хотел по делу государственному, а не ради вас самих.

В светлице началось оживление, все подняли очи на грозного князя, однако первым заговорил митрополит, поднявшись со скамьи:

– Вели слово молвить, княже, коль некому говорить более. Я же не муж государственный, но раб Божий и посредник между Господом и людьми, в моей длани забота о вере и душах мирян.

– Молви думы свои, не томи, владыко, – прервал витиеватую длинную речь Иван Васильевич, нетерпеливо дожидаясь ответа.

– Хорошо, княже, воля твоя, – митрополит набрал в грудь поболее воздуха и проговорил на одном дыхании, – в твоей длани избрать себе в жены девицу благоверную, с Богом в душе, да только слышал я от людей верных, будто псковичане недовольны появлением столь многочисленной царской свиты, сплошь из фрязей, которые вели себя фривольно, речи непотребные вели против православных, бахвалились, будто несут веру от Папы своего в сторону нашу.

– Чего же хочешь ты, владыко? – спокойным голосом спросил князь, заранее зная ответ на свой вопрос.

– Желая, чтобы ты указом своим не только воспретил папскому послу входить в город с крестом, но даже и приближаться. Ежели ты почтишь его, то он – в одни ворота в город, а я, отец твой, другими воротами вон из города! Не только видеть, но и слышать нам о том неприлично. Кто чужую веру чтит, тот над своей ругается!

В зале началось оживление, каждый благодарил митрополита за высказанные мысли, что были у всех в головах, об уступке католикам не было и речи.

– Этим латынщикам протяни руку, так они откусят по локоть! – крикнул кто-то из присутствующих, по голосу похожий на Владимира Гусева.

– Не бывать на Руси иной веры, кроме православия! – подал звучный, низкий глас Даниил Холмский, что был под стать своему рослому хозяину.

Со скамьи медленно приподнялся боярин Григорий Мамонов, одернул полу своего расшитого опашня, и когда все замолкли, проговорил:

– Почто ты, княже, иноземку порешил взять, аль среди наших девиц пригожих не найти? Возьми какую одного из твоих верных бояр, не хуже гречанки будет.

Побагровело лицо князя от слов сих дерзостных, особенно, если эти слова говорил его тайный недруг – сын подлой колдуньи, которую сожгли за связь с нечистым. Старая княгиня душой почувствовала перемену в сыне, не хотела она, чтобы гнев захлестнул его полностью и потому решила отодвинуть грозу, что в миг нависла над их головами. Громким голосом, на который только могла, Мария Ярославна ответила боярину:

– Как смеешь ты противиться воли государя своего?! Не тебе поучать князя в воле его, что он порешил, то и случится!

Иван Васильевич переглянулся с матерью и немного улыбнулся: родительница вновь спасла его, не дала противиться против себя самого. Григорий Мамонов, скрывая смущение, низко склонился перед князей и княгиней, как бы уравнивая их в правах, даже не смотря на то,

что женщины не имели голоса в высказывании собственного мнения. Но Мария Ярославна была матерью князя, которую тот любил, и с этим нужно было считаться.

Наступила тишина на несколько мгновений, словно мир готовился к буре. Вдруг из окон донесся дальний гул толпы, соединившись в единый порыв звука. Присутствующие на вече невольно глянули туда, откуда доносился раскат людского моря, в глубине души подозревая восстание простолюдинов, не желающих видеть на московском престоле гречанку. В залу вбежал молодой дьяк из приказа: ворот кафтана расстегнут, шапка слетела на бок, глаза горят, по раскрасневшемуся лицу струится пот не смотря на сильный мороз. Не успев как следует поклониться, приказчик воскликнул:

– Княже, там... там... – он не мог спокойно объясниться, дрожащими руками указывал на окно.

– Ну-ну, Степан, не горячись, поначалу скажи, что произошло, а уж потом в ноги кланься, – как можно спокойнее ответил Иван Васильевич, хотя непреодолимый страх перед народом пересилил его сознание.

Дьяк, подчиняясь приказу, воскликнул:

– Вглядись в небо, княже! Ангелы небесные парят над Москвой!

Ивана Васильевича как громом ударило: всякое слышал он, но чтобы воинство божье над градом, то было впервой. Присутствующие перекрестились, Мария Ярославна промолвила:

– Мать честная, Пресвятая Богородица, – осенила себя крестным знаменем.

Князь, а за ним и все остальные ринулись вон из покоев на крыльцо, над толпой. Государь узрел очами горожан, что столпились на Лобном месте, все как один глядели в небо, крестились, кто-то падал прямо на снег, бил земные поклоны. А в небесах, над ветхим куполом Успенского собора, парили большекрылые существа. Поначалу их можно было принять за птиц, но, присмотревшись, каждый видел тело человеческое немалого роста, широкие белоснежные крылья и свет, обрамляющий их. Небесные вестники парили высоко над землей, то скрываясь облаках, то снова появляясь, и каждый мог воочию разглядеть божьих ангелов, полюбоваться их красотой.

Иван Васильевич молча стоял, устремив очи к небесам, позабыв обо всем на свете. Стоящий за его спиной митрополит осенял себя крестным знаменем, повторял раз за разом молитвы, а в народе твердили:

– Люди божьи да святые старцы говорят, что на Русь падет благодать божья, и что деяния государя нашего угодны Господу, и что в скором времени будет построен новый храм – оплот православия.

В тот же день, весь во власти увиденного, отправил князь своего посыльного Ивана Фрязина навстречу принцессе Софье. И 12 ноября 1472 года под колокольный звон и радостные возгласы народа Софья Палеолог торжественно въехала в Москву. В тот же день, не желая более тянуть время, великий князь Иван Васильевич обручился с греческой принцессой.

5. НОВАЯ ЖЕНА

Еще накануне приезда, когда Иван Фрязин встретил Софью с приглашением от князя и подарками более роскошными, нежели прежде, лицо принцессы просияло от радости и счастья ожидания. В мечтах своих она рисовала Москву сказочно-огромным городом с белоснежными дворцами да башнями и величественными храмами, какие видела она в Константинополе и Риме. И ежели неведомая Москва не превосходила по величине этим древним оплотам христианства, то непременно должна была бы быть не меньших размеров.

Вот, кортеж подъехал к воротам то ли городка, то ли деревушки с покосившимися домишками по берегам реки да небольшими церквями. Софья привстала с сиденья, зорько оглянулась в окно: по обочинам кривых дорог, если это можно назвать дорогами, тянулись

люди, чей пыл разбивался о ряд стрельцов с бердышами наперевес. В толпе кричали, махали руками и Софья понимала, что они приветствуют ее.

К княжеским саням подъехал Иван Фрязин, наклонился и промолвил по-итальянски:

– Госпожа, наконец, вы прибыли в Москву.

– Как? Уже мы в Москве? – воскликнула принцесса и на лице ее отразилось удивление, смешанное с разочарованием: неужто столицей русского царства является эта деревня, по размерам меньше Пскова? Каков же тогда князь, суженный ее? Неужто и он предстанет перед ней диким, грязным варваром в медвежьей шкуре, как изображают москвитов в Европе? О нет! Только не это! Уж лучше смерть!

Дабы скрыть волнение, Софья незаметно перекрестилась и еще плотнее закуталась в соболью шубу, изо всех сил стараясь подавить нарастающую дрожь во всем теле.

Сани подъехали к большому терему с высоким крыльцом, украшенным толстыми резными столбами. На первых ступенях стояла стража в красных кафтанах, а в центре возвышался надо всеми митрополит с большим крестом на груди, а вокруг него, словно херувимы у божьего трона, стояли с хоругвями да иконами молодые послушники и диаконы. Софья с помощью слуг выбралась из саней, неуклюже упираясь ногами в сапожках на высоких каблуках о снег. Ей было страшно, она почему-то не смела поднять глаза на владыку, сама не зная того. Горечь подступила к самому горлу, сдавив дыхание, и если бы ни слуги, то принцесса упала бы в обморок прямо под ноги будущим подданным.

Стоящий за спиной молодой диакон Никита Попович наклонился к уху митрополита и прошептал:

– Девица-то слабовата здоровьем – вместо румянца бледность одна. Как бы беды для нас от нее не было.

– О сим никто, кроме князя, знать не должен: его воля, какую из девиц под венец вести, об остальном не нам печалиться.

– А коли латынщиков введет к нам?

– Об этом не волнуйся. Государь не допустит поругательства над верой нашей.

О том и закончили разговор, но принцесса не слышала сих речей.

Принцесса стояла, опустив глаза – боялась взглянуть по сторонам. Вокруг все разом встрепенулись, встали в ряд и низко склонились в поклоне. Софья почему-то сразу догадалась, что на широкое крыльцо, осматривая подворье, вышел князь и от этой мысли у девушке подкосились ноги. Однако любопытство взяло вверх над первым страхом и она подняла очи, возложив десницу на грудь там, где билось сердце, и какого же было ее удивление: вместо неотесанного дикаря в звериных шкурах перед ней предстал чернобровый статный мужчина, еще молодой, пригожий лицом и высокого роста, облаченный в длиннополый златотканый кафтан, на плечах сияли изумрудами и яхонтами бармы, а на голове сияла ярче солнца шапка Мономаха – работа дивной красоты! По всему телу принцессы пробежал электрический ток, в душе ее родилось иное, новое чувство, которое можно назвать симпатией. Она уже корила себя за гнусные мысли о князе, смеясь на саму себя; представляла Москву огромным белокаменным городом, а оказалась в деревне с домами из грубых, необтесанных бревен; представляла московского князя видом первобытного вождя, а узрела красивого господина в убранстве роскошнее, нежели наряды европейских монархов. Как это бывает всегда: мы думаем одно, а оказывается совсем иное.

Все еще очарованная красотой великого князя, Софья присела в реверансе, даже не заметив за спиной Ивана Васильевича престарелую женщину и подростка лет четырнадцати, одетых также роскошно, как и сам государь. Иван Васильевич измерил принцессу высокомерным взглядом, спросил лишь:

– Православная?

– Да, господин, – промолвила девушка и вытащила из-под одежды серебряный тельник, что надел на нее когда-то отец: сие распятие сопровождало ее всю жизнь и было для нее родительским благословением.

– Чего же лба не перекрестишь, православная? – задал иной вопрос князь и мельком взглянул на кардинала Антонио, который весь так и покрылся румянцем.

Софья сурово сжала губы – ей легче было бы пережить плевков в лицо, чем ощущать такое недоверие, однако она была женщиной и потому не смела противиться судьбе. Быстро сотворила справа налево крестное знамя и вновь взглянула Ивану Васильевичу прямо в глаза, взгляда не оторвала. Князя позабавил ее гнев и невольно повлек к принцессе, чего он никогда не ощущал с иными девицами – скромными и робкими. Сын князя, Иван Младой, лишь только взглянул на будущую мачеху и, закусив нижнюю губу, насутился: не понравилась она ему, почувствовал мальчик незыблемую ревность, ибо боялся за свое будущее, если вдруг гречанка подарит отцу сына.

Князь улыбнулся, как улыбаются несмышленным детям, и лишь затем обратился к митрополиту:

– Отче, обручи нас, дабы царевна византийская стала моей женой, – после этих слов обернулся к матери, склонил пред ней голову, тихо молвил, – благослови, матушка.

Старая княгиня дрожащей рукой перекрестила сына и Софью, прошептав со слезами на глазах:

– На долгие лета, дети мои, да пребудет милость Божью над вами.

В ветхом соборе с покосившимися стенами было душно от множества свечей, дневной полумрак тускло освещал скромное благоволение православных, что столпились на паперти, подворье и у входа. Наблюдать воочию бракосочетание могли лишь бояре, дьяки да родственники князя. Софья, одетое в шелковое греческое платье, приняла из рук митрополита благословение, припадала губами к иконам, отпивала из золотой чаши вместе с князем кагор. После церемонии под радостные крики толпы на радость православным – русским и грекам, и на посрамление иезуитам, которых не допустили в храм, молодожены воротились во дворец, сидели за пышным столом вместе с гостями, наслаждаясь всевозможными яствами, сладким медом да дурманящим ромейским вином. Греческие подданные Софьи внесли на золотых подносах фрукты, диковинные для русского глаза: апельсины, мандарины, гранаты. Все это, пояснила молодая княгиня, произрастает в Италии, в стране, где нет морозов и снегов, но, добавила она, потребовалось немало усилий, дабы сохранить плоды в целостности и сохранности. Кардинал со своими людьми также присутствовал на пиру, поднимал кубки за молодых, однако во взгляде княжеском, в отношении бояр к ним, римские посланники осознали, что зазря ждут положительного ответа по поводу унии – слиянию двух церквей – православной и католической. Тщетно ждет с надеждой в Ватикане Папа поклон признания от Ивана Васильевича.

После продолжительного пира молодоженов повели в баню, омыли их теплой водой, умастили их тела маслами душистыми агарянскими, а уж потом проводили в роскошную почивальню под полог белоснежный на перины воздушные. В спальне горело свечей больше, чем обычно, и от пламени их стало жарко и душно. Иван Васильевич скинул длинный опашень, оставшись в одной исподней рубашке, и рывком отворил оконные створки, пустив внутрь холодный свежий воздух. Невольно на миг он глянул по сторонам, любясь едва видимым во тьме городом. Когда прохлада пробрала до костей, князь наглухо закрыл решетчатые окна и быстро задул все свечи, кроме одной. Софья оставалась в стороне, с нескрываемым любопытством поглядывая на мужа. Ее длинные волнистые пряди ниспадали по плечам и спине, однако не были столь велики, как у русских девиц да жен, чьи косы, как правило, достигали до двух аршин в длину. Иван Васильевич глянул на молодую жену пристальным взглядом, однако та не смутилась, даже очей не отвела. «Во какая! – с какой-то гордостью подумал князь. – Иные девицы в обморок падают при одном моем взоре, а эта смотрит как равная на равного, ничего

не боясь». Откинув одеяло, он улегся на мягкие перина, знаком показал Софье лечь с ним рядом. Принцесса покорно исполнила его волю, телом вся вздрогнув при мысли, что ждет ее через миг. Она боялась сего часа и потому лишь как-то невольно отстранилась от мужа. Иван Васильевич понял, что с ней деется, сказал мягко:

– Ты, царевна, не бойся, не робей. Я супруг твой законный, перед Господом Богом дал клятву, что ни словом, ни делом не обижу тебя. Мы, русские, хоть и живем вдали от Европ всяческих, да только и нам ведомы морали людские, чай, не дикари безбожные, – его большие черные глаза светились при пламени свечи.

– Я готова принять тебя на ложе своем, недаром проделала такой длинный путь, – быстро ответила Софья, как-то по-иному, смешно для русского слуха выговаривая слова, – не смейся над речью моей... Будет время, я заговорю хорошо, как русская.

– Откуда ты знаешь наш язык?

– С детства общалась я с единокровными народами вашими – болгарами да сербами, это они наставляли меня в вере, это они учили меня славянской речи. Видит Бог, все то пригодилось мне. Но... позволь говорить мне немного, князь, если можно.

– Дозволяю, княгиня. Говори смело, что на душе у тебя.

– Первое, князь, хочу предупредить тебя о целях визита кардинала Антонио. Не с проста он прибыл в моем обозе, якобы печась о моей судьбе, как бы не так. Тайное послание от Папы Павла привез он с собой, хочет добиться от тебя признания унии на русской земле, а в будущем подвести всю Московию под власть Ватикана.

– О сим не беспокойся, родимая, – спокойно ответил князь, – кардинала приму завтра же как гостя дорогого, надарю ему подарков да снаряжу в путь-дорогу обратно. Да только пускай не тешит себя надеждами римский слуга: еще прадедами нашими заповедано держаться православия и ни за какие сокровища мира не предавать веру нашу. На православии земля русская стояла, стоит и будет стоять, и никакие почести от Папы Римского мы не примем.

Софья была рада услышать сие слова, не переступать через жирную черту между верой родительской и католическими почестями. В душе она почувствовала яркий свет надежды и именно этот свет придал ей силы просить мужа об ином.

– Послушай меня, супруг мой. Только пообещай, поклянись, что без упреков выслушаешь меня!

– Вот крест мой, – Иван Васильевич достал тельник, поцеловал его, – сим распятием клянусь, что ни словом, ни делом не пойду против тебя.

Софья приложила белые руки к груди, пальцами смяла несколько рюшей на рубахе, пропитанной мускусом, а затем заговорила тихим голосом, почти шепотом:

– Я вижу по очам твоим, княже, что ты сильный духом человек да и умом не обижен. Слышала я от людей доверенных, что хочешь ты воссоздать державу великую с Москвой во главе всего государства. У тебя есть дружина, много преданных людей: с их помощью ты покоришь земли иные, но не только с помощью меча можно добиться всевластия. Нужно превратить Москву в стольный град, в оплот православия за место уничтоженной Византии, дабы всякий, кто узреет ее, восхитится красотой и падет ниц пред могуществом твоим.

Князь слушал ее речи, не прерывая ни на миг, ему стала интересна эта женщина, ибо в глубине души он и сам множество раз подумывал над этим. С нескрываемым любопытством спросил:

– Знаешь ли ты того, кто может превратить Москву в оплот государства?

– Да, знаю. Есть у меня такой человек на примете.

– Кто же он?

– Итальянец, зодчий, именем Аристотель Фиоравенти.

6. ПОСЛАНИЕ ОРДЫНСКОГО ХАНА

Над великой степью поднялась белая луна, окутанная легкой темноватой дымкой. Над пыльными узкими улицами Сарай-Берке – столицей Большой Орды, над плоскими крышами домов раздался высокий, заунывный голос муэдзина: «Аллах акбар, Аллах акбар. Свидетельствую, что нет Бога, кроме Аллаха. Свидетельствую, что Мухаммад – посланник Бога. Спешите к молитве! Спешите к спасению! Настало время молиться. Аллах велик! Нет Бога, кроме Аллаха» – с такими словами началась вечерняя молитва, призывающая правоверных к поклонению.

В самом городе было спокойно, что не скажешь о ханском дворце, окруженного со всех сторон каменной стеной с бойницами, стража у ворот в этот день никого не подпускала: хану нужен отдых. В самом большом зале дворца, чьи стены были увешаны персидскими коврами, а в жаровне теплились угли, чей удушливый запах смешивался со сладким ароматом индийских благовоний, сидел, скрестив ноги в шелковых шароварах, одинокий человек, ворот длинного кафтана был расстегнут, узкие глаза закрыты, на желтом лице прорезались глубокие морщины не от прожитых лет, а последних событий, что единым градом обрушились на империю. То был хан Ахмат. Думами своими он сокрушался незавидной судьбе некогда могущественной Орды, построенной с такими трудом Чингиз-ханом, его детьми и внуками; но минули столетия и от бывшего могущества остались лишь воспоминания. Хан сжал в руках нефритовые четки, несколько бусинок скатились вниз и ударились друг о друга. Да, прежде Золотая Орда вбирала в себя множество народов из покоренных земель, но междоусобицы и война с Тамерланом сокрушили Империю, которая распалась на множество княжеств: Сибирское ханство, Узбекское ханство, Казанское и Крымское ханства, Ногайская орда, Казахское ханство и Большая орда. Но не столько угнетали Ахмата проблемы с иными ханами и шахами, сколь неизбежное противостояние с Московией. Когда-то русские князья, боясь угрозы с Востока, сами приезжали в Орду с данью, но с воцарением Ивана Васильевича урусы забыли пыльные дороги к ханству. Да что это? Услышав о непокорности, он, хан Ахмат, отправил к великому князю своих послов за данью. Князь ласково встретил ханских посланников. Окруженный боярами и митрополичий братией, Иван Васильевич приказал накрыть стол, подать лучшие кушанья, не забыв о винах румийских да поросятах вместо говядины, зажаренных в яблочном соке.

Татары переглянулись меж собой, однако не могли отказать хозяину – уселись-таки плечом к плечу, ничего не беря в рот.

Слуги разлили в золотые кубки лучшие вина, хотели было татарам налить молока, как заведено было ранее, да только князь подал знак и послам разлить в чаши дурманящего напитка, мысленно высказав им: «со своим уставом в чужой монастырь не лезь».

А послы, не моргая, глядят на князя черными как ночь глазами, ни к кушанью, ни к питью не притрагиваются, понимают чутьем, что ни спроста урусутский хан выставил на стол нечестивые яства, обозлить татар хотел, унижить. А Иван Васильевич сидит в резном кресле во главе стола, косо на гостей поглядывает, хитро щурясь, попивает вино греческое, черную бороду потирает, а сам про себя смеется над мусульманами. Однако, не выдержав затяжного молчания, спросил:

– Что же вы, гости дорогие, к угощению моему не притронулись, слово никто из вас не вымолвил? Аль не любы мы вам стали, что обижаєте наше гостеприимство?

Бояре каждый тихо рассмеялся, рукавами улыбки позакрывали, радуются унижению татар, а послы тем временем пошептались меж собой, старший из них, коренастый, загорелый до черноты, мужчина встал из-за стола, слегка склонил голову перед князем и ответил:

– Князья русские со времен Батыея являются нашими союзниками и данниками, так поступал и отец твой. Однако ты, господин, нарушил договор, но не о том речь сейчас. А прежде хочу сказать, то есть, напомнить тебе, что мы не смеем пить дурманящие напитки да вкушать мясо нечестивого животного – то запрещает нам вера.

– Однако ваша вера повелевает уважать законы гостеприимства и не обижать хозяина, разве не так? – отозвался князь и облокотился на спинку кресла.

Но посол не обратил внимания на сию дерзость, молвил:

– Есть не только дела духовные, но и земные. О многом хотим мы поговорить с тобой, князь.

Иван Васильевич понял намек, знаком указал всем удалиться, оставив у дверей лишь рынд с бердышами. Когда зала опустела, великий князь приказал ханскому посольству приблизиться к нему, поведать, какое послание передал ему хан Ахмат. Послы, все еще сохраняя достоинство, вторично поклонились русскому государю, однако не собирались вот так сразу открывать причину своего приезда. Главный посол, горя обидой, сказал:

– Перед тем, как мы передадим ханское письмо, желаем, чтобы ты, князь, попросил прощение за столь гнусное оскорбление.

– Я никого не оскорблял ни словом, ни делом. Напротив, приказал накрыть стол для вас, моих гостей, – Иван Васильевич понимал их скрытый смысл и потому хотел как можно сильнее затянуть узел.

– Князь знает или должен знать, что вера наша запрещает вкушать свинину и вино, – ответил самый молодой из послов.

– А наша вера разрешает, – не отступал князь, радуясь тому, что все идет, как того было задумано.

– Аллах великий проклял тех, кто рушит Его запрет! – воскликнул главный татарин.

– Наш Господь Иисус Христос и никакой Аллах нам даром не нужен. А коль вы у нас в гостях, то и уважайте наши законы.

– Аллах – это имя Единого Бога, в которого верят все те, кто соблюдает десять заповедей Мусы, по-вашему Моисея, о том свидетельствует Коран.

Иван Васильевич распрямил плечи, недобро усмехнулся и ответил:

– Мы, христиане, руководствуемся лишь Евангелием, однако и ваш Коран я по молодости брал в руки и читал, вот почему я еще более стал ревностно относиться к нашей вере. Пророчества Иисуса Христа на все времена, а что ваш Магомет? Что дал он такого, без чего невозможно жить? Ответьте на вопрос.

Лица татар вспыхнули алым цветом: такого богохульства они век не слышали. Из них выступил старик, убеленный сединами, на голове у него была намотана зеленая чалма, свидетельствующая о духовном сане. Глядя князю в глаза, старик проговорил:

– Мухаммед, да пребудет с ним милость Аллаха, был послан на грешную землю, дабы вывести безбожных язычников на свет к истинной вере. Он заменил жестокость на мир и благодеяние, дабы люди познали, что такое истинное счастье.

Иван Васильевич рассмеялся, махнул рукой и ответил:

– Ваш Магомет был настолько богобоязненным, что проливал кровь своего же народа. Знаешь, старик, чем отличается наша вера от вашей? Иисус Христос говорил о всеобщей любви и прощал грешников, а Магомет провозглашал джихад и борьбы с неверными. Ответь честно: кто из них нес добро и слово Бога?

Татары глянули на князя, в их очах читались ненависть и испуг. Они не знали, как ответить, дабы это не стало вызовом. Между тем главный посол вытащил свернутый лист пергамента и бросил ответ князю:

– Мы не будем обвинять тебя за клевету, князь. Пусть рассудит на том свете нас Аллах. Но ты знаешь, за чем мы прибыли к тебе.

– Догадываюсь, – уже серьезно сказал Иван Васильевич, в первый миг даже пожалевший о своих словах.

– Ты умный человек, князь, но запомногал, что ваш народ является данником пресветлого хана и посему мы объявляем его волю: Иван сын Василия, выплаты дань до следующего

года золотом, мехами, конями и прекрасными девицами, и тогда лишь наши народы заживут в мире и согласии.

Все, узел завязан, осталось покрепче его затянуть. Этого мига князь ждал многие годы, теперь время перемен пришло. Одним рывком выхватил он из рук посла грамоту, разорвал ее и, бросив под ноги, воскликнул:

– Отныне и впредь Русь будет свободной страной, никто не смеет посягать на наши богатства. А ежели супостат какой захочет идти на нас войной, то захлебнется в собственной крови, это и передайте вашему хану!

Посланники воздели руки, бранясь на своем языке, один из них вскричал:

– Ты изменник, предатель! Мало мы вас били, еще побьем.

На сие дерзостные слова Иван Васильевич ничего не ответил, лишь хлопнул в ладоши и в зал вбежали стрельцы, бояре, духовенство (все сидели за дверями, подслушивали). Князь указал на послов и сказал:

– Эгих зарубить, дабы неповадно было, а этого, – указал перстом на похолодевшего от ужаса имама, прижавшего к груди Коран, – отправить на все четыре стороны, пусть поведает своему владыке о случившемся.

Под смех, свист, улюлюканье несчастного старика вытолкали из дворца, бросили с крыльца на землю и не было никого, кто бы помог ему подняться. Глотая слезы и вытирая кровь из разбитой губы, поплелся старый имам обратно. По дороге его нагнал юный всадник. У всадника было похожее на князя лицо и имам догадался, что то был наследник московского престола Иван Младой. Юноша подал татарину седельную суму, проговорил:

– Это тебе, старче.

– Спасибо, мой мальчик, да хранит тебя Аллах.

Год целый добирался старик до Сарай-Берке, поведал хану об оскорблении княжеском, о гибели послов. Еще пуще сторбился Ахмат, еще глубже залегли морщины на его лбу. В бес- сильном приступе ярости хотел было дать приказ снаряжать войско для похода в Московию, однако одумался, не время начинать войну с неверными, когда в самой Орде назревает заговор. Прежде нужно сокрушить крымского хана, покорить его земли, заручиться поддержкой Литвы – этой вечной противницы урусутов, а уж с этой мощью сравнять с лица земли все русские города в отместку за послов.

Тяжкие думы прервали рыдания, доносившиеся во внутренних покоях хана, где обитали все женщины его гарема. Потянувшись всем телом, Ахмат направился в запретную часть дворца. Чем ближе подходил он, тем громче слышался женский плач. Отворив дверь в просторную комнату, увешанную шелковыми занавесками, он увидел несколько женщин в темных платьях и черных покрывалах без украшений. В углу сидела сморщенная старуха и распевала стихи Корана. Молодые женщины сидели полукругом и плакали, закрыв лица ладонями. В центре на широком ковре лежал маленький сверток в белоснежном саване – то была младшая дочь хана, умершая от тяжелой болезни в возрасте пяти лет. Недавно девочка сильно захворала, все ее хрупкое тельце покрылось толстой коркой, никакие лекарства и снадобья не помогали, и с каждым часом малышка таяла на глазах. Сегодня ее должны будут похоронить.

Хан Ахмат знал о смерти дочери, однако не решился проститься с ней, когда она умерла. У него было много детей от разных жен и одним больше, одним меньше – не велика потеря, особенно, если это девочка. Однако в тот миг что-то оборвалось внутри него. Какая-то доселе неведомая тоска сдавила его сердце. Хан, сдерживая тяжкий вздох, решил поскорее выйти из комнаты. Проходя длинными мрачными коридорами, он чувствовал запах смерти, видел внутренним взором личико мертвой дочери и ему хотелось плакать. Жалко стало ее. Малыши и нелепыми показались недавние тревоги.

7. МАРФА ПОСАДНИЦА

В большой просторной комнате с низким сводчатым потолком и толстыми потрескивающими стенами стоял полумрак; лучи дневного светила тускло освещали предметы, находившиеся там, и преклоненную спину женщину, укутанную с головы до ног в широкое, темное одеяние. Женщина стояла в углу напротив киота, где помещалась большая икона Божьей матери с Иисусом Христом на руках; сей темный, полный сострадания, лик освещали церковные свечи, от которых исходило благодатное тепло.

Женщина неистово перекрестилась, опустилась на колени и коснулась лбом холодного пола: вот уже долгое время она отбивала земные поклоны, возносила мольбу к Господу, на Которого была последняя ее надежда. Женщину звали Борецкая Марфа Семеновна, вдова Исаака Борецкого, бывшего посадника новгородского, чье влияние возросло после смерти мужа. Став фактически правительницей Новгорода, Марфа Семеновна ныне просила, униженно преклоняя колени, о даровании ей и всему городу покоя – самого дорогого, что было отнято.

– Господи! – взмолилась женщина, протянув руки к лику. – один лишь Ты заступник мой, ведаешь о прегрешениях моих, о днях скорби души моей. Наделив меня богатством земным, величием людским, взял Ты плату за то моими сыновьями Антоном, Дмитрием и Феликсом, что плоть от плоти моей. Ты взял супруга моего под Свое крыло, оставив на мое попечение весь народ новгородский, что вот-вот рухнет под тяжелой рукой Москвы. Ведаешь Ты помыслы мои, ибо не за себя прошу я, но за город свой. В Твоей воле отворотить погибель нашу, дать мир новгородцам. Видишь Ты, не за себя прошу. Ежели хочешь взять что взамен, то забери жизнь мою ради детей, жен да мужей наших.

Марфа Семеновна поклонилась, по ее щекам текли слезы горечи и раскаяния. Сейчас, в день скорби, осознала она гордыню свою, что жила в ее душе долгие годы. Рожденная в знатной семье бояр Лошинских, владевшая обширными землями по берегам Двины и Студеного моря, она была вынуждена словно нищенка у паперти просить с протянутой рукой помощи у короля польского Казимира, из-за чего потеряла любимого сына Дмитрия, казненного Иваном Васильевичем как предателя после поражения в Шелонской битве. Ах, Дмитрий, вспомнила Марфа сына, был ты отрадой моей, единственной опорой на всем белом свете, ныне остались от тебя лишь воспоминания да вот эта парсуна, что на груди моей. Женщина осторожно вытащила из складок одежды кулон, на котором был изображен молодой красавец с темной бородкой – сын Дмитрий, не желающий до последнего склонить голову пред ненасытной Москвой. Сердце Марфы сжалось. Осторожно дрожащими пальцами провела она по изображению сына, коснулась ее губами и на миг почудилось ей, будто Дмитрий не погиб, а стоит рядом с ней за правым плечом. Обернулась вдова, словно хотела воочию убедиться в правдивости своих ощущений, да только не увидела никого. Бестелесный призрак не был виден живым. Перекрестилась тогда Марфа, отогнала от себя пустые воспоминания. Опираясь на длинный посох, пошла в иные покои дворца решать с мужами государственными судьбу Новгорода.

Проходя мимо одной из светлиц, женщина ненароком заглянула туда. На широких скамейках под теплыми одеялами спали две знатные боярские вдовы Анастасия и Евфимия – вся ее надежда и опора против Ивана Васильевича.

Приблизилась Марфа к узкой винтовой лестнице, облокотилась на стену плечом. Пальцы ее тряслись, ноги подкашивались, к горлу подступила тошнота. Стала спускаться владычица Новгорода по ступеням, держась за стену. Голова кружилась, перед глазами летали рои невидимых мух. Вдруг разом все поплыло, завертелось, и Марфа не поняла, как потеряла сознание.

Очнулась она в своей опочивальне. Над головой, под самым потолком, от дуновения легкого ветерка колыхался полог, а руку ее похолодевшую со вздутыми жилами, держала иная рука: молодая, гладкая. Превозмогая боль во всем теле, посадница подняла глаза, дабы увидеть, кто сидел подле нее. И увидела она молодого мужчину лет тридцати с темно-каштаново-

выми волосами, такого же цвета бородкой и ясно-зелеными глазами, в которых читались испуг, любовь и безграничная преданность. Именно эти глаза, это знакомое родное лицо заставило Марфу приподняться с кровати, спросить с глубоким вздохом:

– Что случилось со мной, Иван?

Иван приходился ей дальним родственником – внучатым племянником ее отца. После гибели сыновей сей молодец стал для несчастной наравне с внуком детищем, которого словно птица опекала она под своим крылом. Ныне именно он явился к ней на помощь, держал ее холодную руку, согревая своим теплом.

– Стареешь, Марфа Семеновна, стареешь, – без злобы, с заботой молвил Иван, преподнеся ей кубок с прохладной водицей.

Женщина сделала несколько глотков живительной влаги, почувствовав на губах ее благодать.

– Глумишься над старухой, Ванечка? – поинтересовалась посадница.

– Почто глумиться, тетя? Грех сей. Упала ты, родимая, с лестницы, потеряв сознание. Сенные девки как увидели тебя, так закричали, запричитали, думали, дурехи, что отдала ты Богу душу, за архиепископом Феофилом собирались позвать, да я осадил бабью глупость, велел замолчать им и отнести тебя в почивальню. Сердцем чувствовал, что ничего худого с тобой не случилось, а упала ты из-за недоедания и духоты. Ныне велел пооткрывать все ставни на окнах, пустить живительной прохлады, а то того гляди и помрем все без воздуха божьего.

– Что в городе? – прервала пламенную речь его Марфа.

– В стенах Новгорода беспокойно, купцы заморские давно покинули наши земли, народ недоволен...

– Народ никогда не бывает доволен. Черни только повод дай, разорвут в клочья словно зверье какое. Но не это хочу услышать я. Какие вести из Москвы?

Иван сжался, раздумывая – говорить аль нет. То, что известно наверняка, не сулит для Новгорода ничем хорошим. Единственная надежда была на короля Казимира, но польский правитель в письмах своих заверяет новгородцев в дружбе, шлет подарки, но о реальной помощи ни слова. Хитер поляк, выгоду везде ищет, дожидается словно стервятник крови между русскими городами, дабы знать наверняка, к какому лагерю примкнут.

Марфа глянула на племянника, приподняла одну бровь, как бы призывая к ответу, и именно ее пронзительный взгляд заставил Ивана ответить:

– Ах, Марфа Семеновна, новости черной тучей легли на наши сердца. В Москве...

– Говори быстрее!

– В Москве были подвойский Назар и дяк Захарий. Ополчился князь Иван Васильевич на послов наших за то, что назвали князя государем, а не господином, как того требовалось.

– Это ничего. Спустили Иванку с небес на землю, меньше заноситься будет, – со злорадной усмешкой ответила Марфа, не надеясь на что-нибудь хорошее.

– Тебе, Марфа, лучше не радоваться зазря. Князь московский не тот человек, который прощает обиды. Боюсь, судьба Новгорода уже предрешена.

– Того не бывать! – воскликнула женщина, воздев руки вверх, подняла очи на Образ, перекрестилась. – Господь не допустит того.

– Боюсь, что слишком поздно, тетя, великокняжеская армия уже приближается к нашим воротам, к ней присоединились на подмогу Тверь и Псков. Три города против нас.

– Так готовьтесь к осаде! Чего вы ждете? – крикнула Марфа, до боли сжав пальцы Ивана. – Мы погибнем, но не склонимся перед Москвой; пусть лижут ей пятки предатели тверчане и псковичане!

Вдруг она смолкла и уставилась на дверь. В опочивальню вплыли в широких опашнях Анастасия и Евфимия. Одна из них поставила на дубовый стол подсвечник, другая держала в руках соболью шубу и широкий платок. Иван склонился в поклоне перед знатными бояры-

нями и отошел в сторону. Марфа с замученной улыбкой глянула на своих единственных верных людей, тихо спросила:

– Вы знаете, что деется там? – и указала рукой в сторону окна.

– Госпожа, народ собирается пред твоим крыльцом, страшится войска московского, – ответила Евфимия.

– Что еще?

– Не все за тебя. В толпе требуют, чтобы мы заключили союз с Иваном Васильевичем и отдали ему ключи от города.

– Того не желаю слышать! Всех изменников на кол! – сама не узнавая своего голоса крикнула посадница, резко вскочив с кровати и если бы не сильные руки Ивана, то рухнула бы вновь от головокружения.

– Боюсь, госпожа, всех казнить не удастся, ибо не найдется столько палачей. Ты сама ведаешь, что подстрекает против тебя сам архиепископ Феофил, а у него везде есть глаза и уши.

– Да пусть он будет хоть Папой Римским, того мне не надобно знать! Отдать приказ укрепить ворота. Каждого, кто сможет держать оружие, вооружить и поставить на городскую стену. Умрем, но не сдадимся!

В разговор вмешался Иван:

– Марфа Семеновна, ты собираешься воевать против княжеской армии и архиепископом одновременно? Одна?

– Что же делать мне женщине, коль мужчины обленились и боятся собственной тени?! Даже, если никого не останется, буду драться голыми руками, но не дамся супостатам. А Настя и Евфимия мне в том помогут.

Женщины улыбнулись друг другу, а Иван густо покраснел – обидела его тетушка ни за что. Дабы скрыть смущение, он спросил:

– Что делать будешь, Марфа Семеновна? – и это «Марфа Семеновна» прозвучало с его уст как-то по-особенному, зловеще для нее самой.

Женщина нутром почувствовала перемену с ее племянником, осознала, что ненароком обидела его, а сейчас того никак нельзя: и так мало верных людей осталось, не хватало и их потерять. Заботливо, по-матерински, провела своей шершавой ладонью по его лицу, молвила:

– Ты не серчай, Ванечка, не горюй, родимый. Нет у меня более родных людей, нежели ты да внук мой Василий, оттого еще любимее вы для меня.

Подала знак одеваться, выйти к толпе для совета большого, хотя в душе она презирала сборище простолюдинов и холопов, ясно осознавала гнилую душонку у них, которая готова покориться пред любой силой и властью, что встанет у нее на пути, будь то иной князь, король, христианин аль татарин – все едино; вот потому и нет веры в смердах, ибо неведомы им ни сила единства, ни гордость, ни честь, ни достоинство, главное в жизни – набить брюхо снедью да детишек побольше родить, дабы было кому по дому работать, а все иное – да хоть трава не расти!

Сплюнув про себя от отвращения, Марфа Семеновна накинула на плечи шубу, что подала ей Евфимия и, опираясь на посох, в окружении преданнейших людей вышла на крыльцо, украшенное резными столбами, оглядела, окинула взором весь видимый Новгород с его большой площадью, широкими улицами, белокаменными храмами да кирпичными теремами бояр. Разве может сравниться с этим величием какая-то Москва со своими покосившимися деревянными избами и улицами, больше похожими на деревенские дороги? Неужели придется склониться пред таким ничтожным врагом? Нет! Тому не бывать! Марфа Семеновна резко стукнула дважды золоченым посохом, гневно вперила взор в архиепископа Феофила, но лишь на миг – пускай пока живет спокойно, наступит час и его убрать.

– Новгородцы! – крикнула женщина высоким, звенящим голосом.

Весь народ потянулся к крыльцу. Марфа же, невысокая, плотная, выглядела в своих широких одеяниях еще ниже и толще, чем была на самом деле. Однако в тот день она несказанно выросла в глазах своих сторонников и заметно постарела в глазах тайных врагов.

– Новгородцы! – повторила она. – Почто собрались вы у крыльца моего? Почему не укрепляете стены и не обнажаете клинки супротив супостата недоброго? Аль позабыли, сколько милостей оказывала я вас все прошедшие годы? Чего же ныне забились в страхе аки овцы на заклятие?

– Вели, что делать нам, матушка-боярыня? – крикнули служивые из толпы.

В народе началось оживление: стоило кому слово молвить, не остановить потом.

– Так против кого мы обороняемся? Против своих же аль басурман? – раздался мужской голос, а кому он принадлежал, попробуй поди разберись. Видно, тайные соглядатаи из числа архиепископа не дремали: под видом нищих, юродивых, купчиков, ремесленников почнут народ мутить, на бунт подбивать.

– Кто это такой умный выискался? – прокричал в толпу Иван, наполовину обнажив меч. – Выйди, собака, да скажи в лицо госпоже свое недовольство. Аль не знает никто, что к городу нашему приближается армия москвичей, тверчан и псковичей во главе с князем Иваном Васильевичем?

Ему не дали договорить. Люд взревел. Женщины плакали и неистово крестились, мужчины думали, что делать далее. Одни стояли на немедленной сдаче города, но большинство все же было покорно Марфе и не желало слушать о предательстве.

– Зачем идти против православных, ежели за спиной стоят вороги иноземцев? Не лучше ли поклониться Москве? – раздался чей-то голос, ему сразу же вторил другой:

– Москва жалует богатства наши в свои руки прибрать, об остальном ей дела нет.

– Хуже татарина князь московский! – крикнули несколько человек.

– Сам первый на нас меч поднял, но Новгород и не таких прогонял.

Марфа Семеновна ждала часа, когда наступит тишина, в конце сказала:

– Приказываю всем мужчинам и юношам взять оружие, и днем и ночью держать стены, не пускать врага даже на аршин.

К ней с поклоном приблизился дородный боярин Василий Гребенки, спросил:

– Позволишь ли, матушка, возглавить дружинников на защиту города? Клянусь, сколько будет сил, держать стены ценой жизни.

– Позволяю, княже, позволяю, – ответила она спокойным, даже каким-то отрешенным голосом, словно уже была готова сдаться, и ушла во внутренние покои, за ней потянулись верные вассалы.

8. ПОКОРЕНИЕ НОВГОРОДА

Иван Васильевич не торопился со штурмом города, порешил брать измором. Ставка москвичей была поставлена прямо перед широкими воротами так, чтобы легче было принять к себе перебежчиков. Сам архиепископ Феофил через доверенных людей слал письменные заверения о покорности, однако князь был непреклонен, требовал в подтверждении мира и покорности ключи от Новгорода и вечевой колокол, чего Феофил исполнить не мог. Тогда поздним вечером, взяв с собой только двух человек, при полной темноте, владыко отправился во дворец для тайной беседы с Марфой Семеновной. Шли, осторожно переступая через сугробы, некогда шумные улицы опустели, словно в городе не осталось ни единой души, где-то далеко выли голодные собаки, в тоске своей оплакивая погибших хозяев. Смердный запах от разлагающихся тел душил, вызывая тошноту, и его не мог поборот даже мороз, а живые не хоронили мертвых – сил от постоянного недоедания хватало разве что развести огонь.

Один из спутников Феофила споткнулся, запутавшись в длинном плаще, и упал на что-то твердое. Пошарив руками, понял, что опирается на окоченевший труп мужчины, весь занесенный снегом. В страхе перекрестил покойника, промолвив дрожащими губами:

– Упокой, Господи, его душу.

Архиепископ подошел, склонился над телом, сказал больше самому себе:

– Эх, глупая баба, сколько же еще люда должно отдать Богу душу ради твоей гордыни?

Путник его, тот, что упал, не понял вопроса, спросил:

– Владыко, о чем ты?

– Все о том же. Должна же Марфа осознать, что народ не вечен. Сколько мы еще просидим: месяц, два? А потом что? Закончится еда, люди начнут поедать друг друга, матери варить собственных детей.

– Господь не допустит греха сего.

– О чем толкуешь, брат Михаил? В Новгороде не осталось ни одной коровы, ни поросенка, ни козы. Служивые на стене едят конину, простой люд варит в котлах собак, кошек и крыс. Остались лишь монастырские закрома, но и они не бездонны.

– Что можешь сделать ты, владыко?

– Есть один выход – заключить мир с князем московским, с тем и иду к Марфе Семеновне, да только не уверен в положительный исход событий: баба больно уж строптивая.

– Дай Господь, осознает Марфа пагубу от гордыни своей. Но не может же она спокойно наблюдать, как матери оплакивают детей, женщина все таки.

– Эх, если бы ты только знал ведьму сию...

Они дошли до дворца, остановились. Стражи не было видно. Смело шагая по высоким ступеням, архиепископ был полон решимости, не питая надежды. Если и на сей раз посадница откажется от мира с Москвой, тогда останется одно: подбить весь Новгород на бунт, а после расправиться с Марфой и ее внуком.

Женщина сидела в глубоком резном стуле одна в горнице, освещенной лишь одной свечой. В полумраке лицо ее казалось еще бледнее, а морщины глубже: за два месяца осады она сильно постарела, осунулась, лишь глаза оставались молодыми, с задорным блеском.

Феофил прошел в горницу без приглашения, резко сказал:

– Князь московский готов заключить с нами мир и оставить Новгород, но за это требует подчиниться ему, выплатив дань в пользу Москвы.

Марфа медленно встала, подошла к архиепископу. На ней не было ни изумрудных украшений, ни златотканых одеяний, но даже в простой одежде она выглядела величавой.

– Кто позволил тебе сноситься с князем? Аль тебе по сердцу московские милости? – грозно спросила она.

– Я думаю не о себе, о людях. Оглянись вокруг, Марфа Семеновна, пройдишь ножками по улицам и ты увидишь мертвецов, что отдали Богу душу из-за голода.

– Ни я, ни мои родители не ходили по земле и с презренными холопами дела не имели. Я отдала приказ защищать Новгород и менять своего решения не буду.

– Побойся Бога, Марфа! У них дети умирают от голода, среди бояр растет недовольство.

– Богу богово, кесарю кесарево, владыко. Я буду защищать Новгород, а ты молись за жизнь народа. Иного я не требую.

– Гордыня обуяла тебя, боярыня. Не о Новгороде, о богатстве своем печешься ты.

– О том не твоя забота, владыко. У вас и без меня злата найдется. Но ежели ты порешил идти в услужению князю московскому, то я не стану держать тебя и остальных тоже; мне предатели не нужны. Со и мной останется немало людей да еще верный мой князь Василий Гребенки, – она стояла непреклонная, уверенная в собственных силах.

А через несколько дней в ставку Ивана Васильевича перешли те, у кого доставало сил держаться на ногах. Архиепископ Феофил вместе с князем Василием, на которого возлагала все

надежды Марфа, сами прибыли пред светлые очи московского государя, целовали ему крест и пред Богом давали присягу служить ему верой и правдой. Марфа Семеновна осталась одна, лишь горстка горожан, внук да Анастасия с Евфимией не предали ее, с тяжестью в сердце и презрением к предателям явились они перед грозным Иваном Васильевичем. Руки пленников были туго стянуты веревками, глаза опухли от слез: там были и мужчины, и женщины, и дети – те немногие, кто отказался покинуть родной город. Среди пленников была и Марфа. Прямая, похудевшая, глядела она на московского князя без робости и страха, с нескрываемым благоволением оглядывала верных ей людей, и именно страх за их жизни и боязнь потерять их сподвигли женщину первой обратиться к князю:

– Ты покори́л мой город ценой предательства! – воскликнула Марфа и отыскала глазами архиепископа Феофила, боярина Гребенку и многих иных. – Но не в твоей власти распоряжаться нашими жизнями!

– Страна сильна единством и покуда не прекратятся на нашей земле междоусобицы, супостаты будут проливать нашу кровь. С Божьей помощью я соберу русские города вокруг Москвы, а уж потом дойдет черед и до врагов наших.

– У Москвы нет и не было никаких притязаний на земли Новгорода или иные города. Где хитростью, где лестью ты, княже, добился своего. Но не долго тебе пировать осталось. Гляди, как бы власть не раздавила тебя.

– О чем говоришь ты, старуха? Аль думаешь, что я буду отсиживаться за семью замками и молча наблюдать, как ты ведешь переговоры с Литвой? Признайся, ведь ты просила короля Казимира о помощи, взамен предлагая отдать свои земли под власть латинян?

В толпе новгородцев началось оживление. Крики и брань прокатились по тихим улицам эхом, вступление Новгорода в Литву было для народа неслыханным святотатством. Марфа Семеновна ничего не ответила на сие обвинение, лишь сильнее сжала пальцы на руках, дабы побороть дрожь, охватившее все тело.

– Ну? – продолжил Иван Васильевич, подойдя к ней. – Что скажешь своим новгородцам на предложение Казимира или, может быть, ты хотела стать женой круля польского?

Марфа рассмеялась чужим, низким голосом, все поплыло перед глазами, и ей показалось, будто она сошла с ума. Но уж лучше было бы, ежели она и лишилась рассудка, тогда не познала бы она ни предательства, ни страха унижения. Отсмеявшись, глянула она в лицо князя, ответила:

– В мои-то лета думать о замужестве, княже? У меня был муж, были и дети, ныне их уж нет в живых и тебе о том ведано. Должно быть, я более грешна, нежели они, если до сих пор дышу и воочию лицезрею падение Новгорода. Можешь отныне гордиться собой, ты забрал у меня все, об одном лишь прошу тебя: оставь в покое новгородцев, ибо они не заслужили смерти.

– Можешь не волноваться, женщина. Жителей города я прикажу не обижать и не разорять, верно́стью они заслужили покоя, но ты и твой внук отправитесь в Москву.

В тот же день, морозный и ветреный, вечерней колокол главного новгородского храма был снят под радостные возгласы победителей и горестные рыдания новгородцев, для которых сие событие означало навеки утерянную свободу. По очереди подходили они к шатру московского князя и, угрюмые, замученные долгой осадой и голодом, целовали крест, монотонно повторяя друг за другом присягу Москве. Сам Иван Васильевич не решился оставаться подле стен разграбленного города на долгое время. Наградив ратников за победу и поделив золото и серебро между собой, Псковом и Тверью, отправился государь в обратную путь-дорогу. За ним на поскрипывающей телеге, что словно оплакивала пленников, везли огромный колокол. А новгородцы высыпали все за стены города, с плачем провожали свою святыню, до ряби в глазах глядели на поворот, за которым скрылась вся процессия. Более никогда не увидели они ни колокола, ни гордую боярыню и ее внука.

Москва приветливо встретила победителей. От самих ворот вдоль путей выстроились цепочки из простых горожан да служивых людей. Радостный колокольный звон огласил всю округу, вселив в сердце князя неизъяснимую радость. Один враг повержен, ныне наступает черед похода на Восток. Но он тут же отогнал сию мысль: не время размышлять о войне с неверным ханом, ежели доселе не решена судьба Марфы Посадницы. Вот отдохнуть бы год-другой ото всех дел, прижаться к теплому боку жены, услышать из уст ее о жизни неведомой Италии, откуда приехал зодчий, что способен превратить Москву в третий Рим за место покоренной Византии, обустроиться у себя на земле для будущих потомков, а уж потом и настанет черед воров безбожных, всех покорит он, никому из них не даст пощады.

Так размышлял про себя Иван Васильевич, мирно покачиваясь в седле, пока не достиг заветного крыльца, на котором его поджидали мать, супруга с полуторагодовой дочерью Еленой на руках да митрополит с боярами и дьяками. Все они низко склонились в поклоне, раболепно опустив очи перед князем. Княгиня Софья легонько подтолкнула дочь к отцу, и девочка сделала несколько неуверенных шажков, но остановилась: все для нее было непонятным и потому пугающим. Иван Васильевич не стал ждать дочь, сам ринулся ей навстречу, взял, прижал к своей груди, что не ускользнуло от взгляда Ивана Младого и Марфы Семеновны: первый почувствовал глубоко засевшую, скрывающую ревность к отцу, другая вспомнила собственных детей – давно ли сама баюкала их на руках?

Елена ухватилась ручками за ворот зимнего кафтана Ивана Васильевича, робко, по-младенчески проговорила:

– Папа... папа...

– Ах, голубка моя, красавица любимая, – шептал ей на ушко князь, целуя в детские круглые щеки.

После того, как им пришлось похоронить двух первых дочерей Анну и Елену, что умерли во младенчестве несколько лет назад, третья дочь была окружена заботой и лаской и посему, оставшаяся в живых, стала всеобщей любимицей княжеской семьи. Однако отношения между старшим сыном князя и Софьей, до этого прохладные, стали враждебными, однако они всячески скрывали это, не давая ненависти перерасти в войну.

Старая княгиня Мария Ярославна, благословив вернувшегося из похода сына, указала перстом в сторону Марфы Семеновны и громко, дабы та услышала все, спросила:

– Что прикажешь делать с бунтовщиками, княже? Казнишь аль помилуешь? – и с усмешкой взглянула на новгородскую боярыню, желая прочесть на ее лице страх и ужас.

Однако Марфа даже в поражении была горда и непреклонна, с ненавистью взглянула она на своих врагов, мысленно уже простившись с этим миром. «Господи, – взмолилась она в глубине сердца, – позволь мне умереть прямо сейчас, да прости все мои грехи вольные и невольные, и да позволь мне войти в Царство Божье». В раздумиях о вечности женщина не сразу расслышала голос князя, который в окружении бояр и владык стоял на ступенях крыльца, возвышаясь надо всеми. Гордым, непреклонным голосом спросил он пленницу:

– Ты, Марфа, выступила против меня, отказавшись подчиниться, сносила с польским королем Казимиром, желая гибели моей. Однако Господь был на моей стороне, а твой город подчинен, казна твоя разграблена, а сама ты стоишь передо мной со связанными руками. Как пленницу я должен казнить тебя, но прежде всего ты женщина, а с женщинами я не воюю. И почему хочу спросить тебя: чего жаждет душа твоя? Говори, не бойся.

Марфа Семеновна обвела всех гордым взглядом, не желая показывать слабость и страх. С трудом обратила очи на князя, ответила:

– Что спрашивать о том, княже? Все равно многого того, что я хочу, ты не дашь, а малого мне не надобно. Но если желаешь сделать что хорошего, так удали меня с глаз своих, подальше от Москвы.

– Я понял тебя, боярыня, и более не стану держать подле себя. Ты уедешь в скором времени отсюда и вернешься в места, тебе родные, поселишься в монастыре, приняв монашеский сан, а более ничего не дам тебе.

– Отвези меня тогда в Зачатьевский монастырь, место там тихое и малолюдное, отдамся сердцем и душой Господу Богу, проведу остаток дней в молитвах.

– Да будет так, Марфа Семеновна. Не поминай лихом, да не держи зла, по-иному я поступить не мог.

Через несколько дней не стало несчастной боярыни на Москве, по приказу Ивана Васильевича увезли ее в монастырь, где и была подстрижена она под именем Мария.

9. ЗОДЧИЙ

Он всегда со слезами на глазах вспоминает тот день отъезда, когда пришлось вопреки всему покинуть родную Италию навсегда. Уже на родине в Болонье он слыл превосходным архитектором и инженером, продолжив за отцом династию зодчих. Под лазурным небом Италии от отливал колокол для башни Аринго, выпрямлял колокольню Сан Бьяджо в городе Ченто и башню в Венеции. И слава о его деяниях разлетелась по всем уголкам Европы! Зодчий побывал при дворе венгерского короля Матьяша Корвина как строитель мостов. По возвращению в Италию он уехал в Рим. Но не радость окружила его тогда, но печаль. Великого архитектора обвинили в сбыте фальшивых монет. Разве мог тот, кто из руин поднимал и воссоздавал былое величие Римской Империи, строил соборы ради восхваления веры решиться на столь гнусное деяние? В слезах пребывал мастер дни напролет, в душе смирясь со своей участью и простясь с этим миром, как вдруг Господь ниспослал ему благодать – радостную весть из страны неведомой, дикой, о которой никто в Европе не знал, но слышал, будто в той стороне живут варвары-язычники, не ведающие Бога, что по их улицам бродят медведи, а жилища их напоминают берлоги, что лето там длится всего неделю, а остальное время царит зима. Этими рассказами пугали утонченных европейцев, но лишь Аристотель Фиоравенти один из всех произнес:

– Для зодчего нет хуже отнятой свободы и посему выберу я для души своей холодные небеса севера за место упоительного воздуха юга.

Посол именем Семен Толбузин, высокий, дородный, с копной рыжих волос и пышной бородой, передал архитектору послание от князя московского и тайное поручение от Софьи, которая самолично писала письмо на итальянском языке, моля мастера скорее прибыть на Русь. Когда Аристотель Фиоравенти читал послание от великой княгини, пальцы его тряслись, по щекам текли слезы. Он помнил Софью совсем юной девушкой, почти девочкой. Тогда еще его поразили большие, прекрасные глаза принцессы, и именно ради нее одной согласился зодчий на длительное, опасное путешествие в неведомую страну.

– Великий государь Иван Васильевич просит тебя, мастер, прибыть в Москву, ибо наш главный храм – Успенский собор, рухнул, похоронив под собой тех, кто заканчивал строить его. Тебе князь поручает великое дело – заново отстроить собор, дабы стоял он в веках на славу потомкам нашим! – проговорил посол.

– Храм великий уже существует в душе моей, – Аристотель сжал кулак и стукнул себя в грудь, – так могу ли я оставить свой замысел у себя? Ради веры Христовой, ради Него одного, принимаю наказ твоего господина!

И потекли дни, кажущиеся бесконечными, в путешествии. Все время Аристотель, восседая в крытых санях, что-то чертил на пергаменте, писал, считал. Одному ему была понятна эта работа, но тайну ее он никому не раскрывал. Уже в сновидениях виделся ему новый Успенский собор с толстыми резными колоннами и высокими дугообразными арками. Наяву он ощущал неведомую радость от того мига, когда, представ пред светлыми очами русского владыки, он

покажет свои чертежи и тогда повелитель прикажет тут же начать возводить основу будущего великолепия. Ах, как же тогда он будет счастлив!

Когда посольский кортеж выехал на дорогу, ведущую мимо полей да деревянных домишек, высоких заборов знати и низеньких церквушек, зодчий спросил Семена Толбузина:

– Синьор, где же Москва, стольный ваш град?

– Так вот она Москва-то наша, – с гордостью молвил посол и указал перстом в окно колымаги.

Москва? Стольный град? Аристотель потупил взор, боясь показать глубокое разочарование, что родилось в его душе. Он-то представлял город великокняжеский наподобие Милана, Рима аль иных городов Европы. Он думал увидеть поистине величественные крепости, каменные мостовые, дворцы с резными колоннами да фонтаны мраморные, а узрел лишь деревушку вокруг леса, дикий люд, что столпился по обочинам и провожал их кортеж с нескрываемым гневом. У самого княжеского дворца, окруженного Кремлем, было куда более просторнее и цивилизованнее. Зодчему помогли вылезти из возка, тут ж его самого окружили стрельцы в красных кафтанах с бердышами наперевес. Словно знатного вельможу проводили его по белокаменным ступеням на крыльцо, а оттуда во внутренние покои государя.

Поначалу Аристотель, отвыкший от полумрака, не увидел ничего. Но когда глаза привыкли к темноте, он поразился поистине величественной роскошью, сочетавшую незатейливую европейскую форму и восточные златотканые ковры с кистями. Вдоль залы на длинных скамьях, покрытых сукном, восседали горделивые, дородные бояре, князья и дьяки в длиннополых кафтанах и опашнях, а под навесом на постаменте восседал великий князь Иван Васильевич в златотканой парчовой ферязи, на черноволосой голове переливалась драгоценными камнями шапка Мономаха, глаза государя под нависшими бровями темны и суровы, хотя само лицо, еще нестарое, открытое, приветливое. Рядом, по правую руку, сидел юноша с красивым светлым ликом, по левую руку митрополит. Аристотель в своей простой европейской одежде чувствовал себя неловко в окружении величественных мужей, но именно ему, чужеземцу, было поручено построить ни много, ни мало – оплот русского христианства.

Зодчий видел, как великий князь наклонился к кому-то и тихо прошептал. Человек, выступивший в роли толмача, обернулся к Аристотелю и повторил слова князя по-итальянски:

– Великий государь московский Иван Васильевич потребовал тебя, мастер, ради дела благого. Ведомо ли это тебе?

– Как не знать о замысле великом? Передай государю своему, что храм Успения уже существует не только в моей душе, но и на чертежах, что хранятся у меня.

Толмач перевел Ивану Васильевичу, тот поинтересовался:

– Где же чертежи твои, зодчий?

– Здесь, под моим сердцем, – ответил по-русски итальянец и, вытащив из-под плаща свернутый в трубочку пергамент, через слуг передал его князю.

Государь долго блуждал глазами по бумаге, старался вникнуть в непонятные для него расчеты. Затем он передал чертежи всем остальным, дабы поняли бояре, какой замысел предстоит воплотить в жизнь. Григорий Мамонов, первый из бояр, задал вопрос зодчему:

– Сколько же времени потребуется, дабы построить все это? Лет пять, а то и более?

– Великие дела быстро не делаются, синьор, – ответил Аристотель, – тот, кто торопится, чаще проигрывает.

При этих словах Иван Васильевич усмехнулся, в душе обрадовался, что удалось обуять дерзость боярскую, сам обратился к мастеру:

– Тебе, зодчий, поручено воздвигнуть храм Успения, дабы Москва стала приемницей Византии и оплотом всего православия. За то не ограничиваю тебя ни в средствах, ни во времени, ни в рабочем люде. На месте строительства ты не просто будешь следить за всем, ты станешь там государем; твое слово – это мое слово, твой указ – мой указ. Над тобой не будет

никого, кроме меня, но и спрос тоже будет велик. За неудачу ты ответишь головой. Видишь, какая ответственность возлагается на тебя? Справишься ли ты?

Аристотель побледнел от этих слов. Не за тем пустился он в такой дальний путь, дабы сложить здесь голову. Но и отступить более нельзя – душа требовала воплощения мечты не ради земных благ, но ради человеческой памяти. С трудом подавив тяжелый вздох, зодчий молвил:

– Я согласен на все, господин, ибо вера моя сильнее страха смерти.

– В таком случае можешь с завтрашнего дня приступать к строительству.

Аристотель склонился в поклоне, во всем его движении не было ни унижения, ни раболепия, одно лишь гордое достоинство.

С места встал митрополит, высокий, сухощавый. Стукнув посохом о каменные плиты пола, он воскликнул сильным зычным голосом:

– Не гоже, государь, поручать дело святое поганому еретику латинскому! Аль не сыщется по всей Руси православного зодчего, способного воздвигнуть собор?

По зале прокатился шепот, немало собравшихся тайно поддерживали владыку, и всем тому была непомерная зависть к чужеземцу. Великий князь вперил острый взор на митрополита и обратился ко всем грозным голосом:

– Ты, владыко, наверное, позабыл, сколь погибло народу при рушении собора, что построен был нашими мастерами, аль жизнь простых прихожан не имеет значения? Да, я вас всех спрашиваю, – прокричал Иван Васильевич, зло глянув на бояр, – Где сыскать такого русского мастера, что смог бы воздвигнуть стены из камня и обжигать кирпичи, мастерить резные золоченные колонны как в Европе? Где эти мастера? Нет их у нас пока. Дабы они появились, нужны учителя иноземные, что могли бы показать свое мастерство. Коль Руси решила стать сильным государством, стольный град которого мог бы равняться с иными столицами христианских земель. Византия пала под угрозой неверных турков, но осталась Русь, которой суждено возродить православное могущество, а Москва должна стать третьим Римом.

Никогда прежде не слыхали ни бояре, ни митрополит столь затеивых речей из уст государя, однако понимали они, что сие слова не Ивана Васильевича, но княгини Софьи. Именно она поручила привезти сюда итальянского зодчего, именно с ее слов возжелал князь отстраивать Москву на новый лад. Умная женщина, хитрая и потому нелюбимая многими боярами, что держались старых дедовских устоев.

– Однако, – понял перст десницы своей великий князь, – зодчий может принять православие, дабы среди вас, великие мужи, толков не было, – и обратился к мастеру, заранее зная ответ на свой вопрос, – готов ли ты, зодчий, войти в лоно нашей божьей веры?

Если бы Аристотеля ударили ножом в сердце, то ему не так было бы больно. Его попросили покинуть свою землю – хорошо; ему наказали построить храм чужой веры – согласен; он даже согласен положить голову на плаху, лишиться жизни, но отказаться от веры отца своего, от благословения родительского на всю жизнь – нет! И пусть его лишат всех благ, посадят в темницу, отправят на рудники, будут пытать раскаленным железом – даже тогда не откажется он от того, что свято и дороже всего на свете. Но был иной выход: с ним приехал сын Андреа, мальчик лет десяти, которому, возможно, предстоит прожить на Руси всю жизнь, и ради его благополучия Аристотель принял отчасти предложение князя.

– Господин, – молвил итальянец, – скажу тебе, не таясь, ибо правда лучше лжи. Господь всегда в душе моей и Его избрал отец мой, с Ним все мое благословение, и потому не могу я предать веру свою, в которой был рожден и которая хранит меня ото всех напастей. Но у меня есть сын десяти лет от роду, ради тебя, князь, я готов покрестить его в вашу веру, пусть твой настоятель будет спокоен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.